

Повесть Сергея Минаева «Duxless» (АСТ) стала одной из самых продаваемых книг

Москвы за последние месяцы.

Издатели не берутся объяснить феномен этого успеха, да и сам автор — в легком недоумении.

Минаев не писатель, он занимается бизнесом. О своем герое автор рассказал в одном из интервью:

«Это повесть о циничном...

романтике. Как если бы Печорина

перенести на двести лет вперед,

в Москву 2005-2006 годов...

О молодом человеке среднего

возраста, который пришел в ту

точку своего развития, когда

приходится искать ответы на

базовые вопросы человеческого

развития: кто я? во имя чего

я живу? правильно ли я живу?

В данном случае, Герой нашего

времени — это топ-менеджер

крупной московской корпорации,

проводящий свое время в типичном

современном антураже: офисы,

корпоративная культура, Интернет,

модные клубы и рестораны, гламур,

девушки, дилеры, случайные

знакомые, ночные тусовки, масс-

медиа, разговоры о политике,

перемещения из Москвы в Питер».

Питер

Мои отношения с Питером напоминают междинастические браки. Вероятно, так молодые принцы-престолонаследники, которых женили на страшных бабах по политическим мотивам и голубой крови, привыкали любить вопреки. Потому что хочешь не хочешь, а жить придется. Жить, трахаться и рожать новых престолонаследников. Посему заставляя себя любить, выискивая какие-то там интересные черточки в характере, манере поведения и внешнем виде, приходится. Иначе как престолонаследников-то делать? Нередко от такого «чувства вопреки» рождались не совсем нормальные дети. Дети, зачатые без любви.

Так же и у меня. Бывая в этом городе довольно часто по делам бизнеса, я вынужден был привыкать к его серому небу, переменчивой погоде, промозглому климату и желтой воде из крана. И какие такие «дети» получаются у моего с Питером романа без любви, я мог себе представить только в страшных снах.

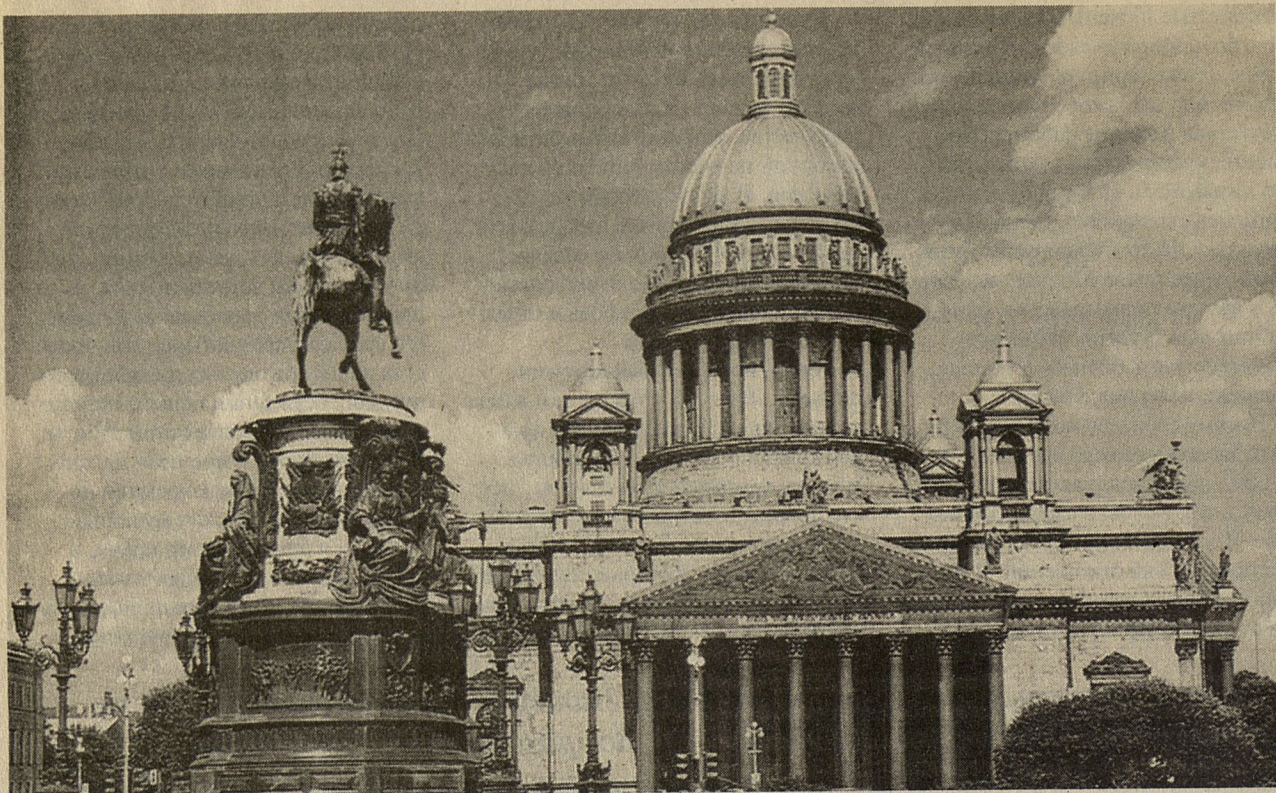
В моменты моего первого приезда в Питер я пришел к выводу, что из-за депрессивной атмосферы здесь можно делать только следующие вещи: просыпаться с утра, ставиться винтом и тупить; в моменты отходняка заливать водкой и плакать; рыдать от безысходности и серого неба, свеситься из окна и смешивать свои слезы с перманентным дождем. И трахаться. Отчаянно ебаться, понимая, что из-за таких наклонностей каждый секс может быть последним.

Затем, по прошествии трех лет, я начал постепенно привыкать к Питеру. Наезжал я туда около четырех-пяти раз в год, обзавелся некоторым количеством знакомых, парой бессмысленных адюльтеров и еще большим количеством скандальных историй с хулиганством в клубе, дракой на домашней вечеринке и прочим. В эти годы я пытался притереться к городу. Войти в тусовку, перенять некоторые питерские при-

вычки, чтобы наконец перестать испытывать здесь такую мучительную скуку и депрессию, из которой жутко тяжело выходить даже по приезде в Москву. Когда кажется, что ты привозишь с собой в дорожной сумке камни, отломленные от питерской тоски. Период этого моего заигрывания с Питером не привел ни к чему особенному. Как мне говорили до того разные люди, которые жили или родились в Питере, чтобы привыкнуть к нему, нужно научиться понимать здешних жителей. Они — особенные. Не такие чванливые мешане, как в Москве, гораздо более культурные и менее замороченные на всех этих плотских удовольствиях, чем москвичи. Безусловно, питерцы гораздо интеллигентнее, образованнее и человечнее прочих жителей России. Не зря ведь Питер считается культурной столицей. Этаким форпостом духовности.

Теперь я гораздо лучше понимаю город и его настроение. Не могу сказать, что путь к этому знанию был легкий и приятный, скорее наоборот. А уж открывшиеся мне истины достойны того, чтобы не тратить время на их обретение. Здесь гораздо лучше быть беззаботным командированным и не обременять себя всеми этими фуфельными знаниями. Тем более что обладание ими вам ничем не поможет.

Основная тема высокодуховных жителей Питера — это защищенность на собственной значимости и особенности. Все разговоры с москвичами в конечном счете сводятся к двум темам: «Европейский Питер vs московская Рязань» и «Дай сотку до завтра». Кажется, что надо всем городом тяготеет проклятие «бывшей столицы». Даже люди, приехавшие в Питер из губерний, сразу заражаются этим вирусом. И также начинают вести все эти глупые разговоры про культурную столицу: «У вас там толпы на улицах», «Все деньги в Москву уходят» и т.д. Они моментально выучивают историю Питера, все его

исторические памятники и знаковые места (что само по себе великолепно), но иногда попадают в своем желании казаться «истинными петербуржцами» в достаточно комичные ситуации.

Однажды я прогуливался по улицам города с питерским знакомым, который с увлечением доказывал мне, как здесь хорошо, «а там у вас в Москве жуть одна». Про то, как ему здесь комфортно и как он мне не завидует. Походя он рассказывал мне истории некоторых памятников истории, а дойдя до какой-то улицы, сказал, что «вот здесь была очень опасная сторона при артобстрелах во время войны». Затем он поведал мне еще что-то об ужасах блокады Ленинграда, я очень уважительно его выслушал и вежливо поинтересовался, погиб ли у него кто-то во время блокады. Он, как бы между делом, совершенно цинично заметил:

— Да нет, ты что! Я ж сюда из-под Мурманска приехал три года назад, — сказал он и продолжил свое увлекательное повествование о тяготах блокадного времени.

Чем обеспечил мне пищу для размышлений и этого сатирического очерка.

Корни всей этой «значимости», безусловно, растут из малого масштаба всего, что происходит в городе. Любому мало-мальски выдающемуся из общего ритма города событию придается колоссальное значение. Будь то показ коллекции какого-то бутика (по пятому разу) или посещение питерским диджеем Ибицы. В последнем случае все главные питерские журналы (числом в два) пестрят заголовками «Наши на Ибике!» или «Питер задает толк» (будто бы этот диджей не сиротливо жался к стене, а реально был хедлайнером всех шоу сезона на острове).

В городе по большому счету ничего не происходит. Все варятся в собственном соку, высасывают из пальца поводы, чтобы еще раз собраться и перетереть по сорок восьмому заходу одни и те же сплетни, позлословить по поводу Москвы и, упившись халявным виски на презентации, в очередной раз рассказать знакомым, что ты днями уезжаешь в Москву. Насовсем. К уже готовому и высокодоходному бизнесу. И как ты через год вернешься, а «вы так и будете торчать в своем болоте». Понятно, что никто никуда не уедет и все эти пьяные истории повторятся на следующей неделе.

Таким образом, становится понятно все презрение к Москве со стороны нашей европейской столицы. Во-первых, из-за замкнутости собственного мирка и отсутствия в европейском городе событий европейского же масштаба. Во-вторых, из-за подражательства. Вся питерская тусовка, все события, клубы и рестораны напоминают уменьшенную в размерах Москву пяти-шестилетней давности. Все сводится к противопоставлениям двух городов. Вот у нас здесь интеллигенты, а у вас барыги, у нас правильно говорят «поребрик», а у вас, лохов, почему-то говорят «бордюр». Мы окружены здесь памятниками истории (которые любим до такой степени, что готовы будем до хрипоты противиться сдаче их в аренду коммерческим структурам до тех пор, пока они окончательно не развалятся), а вы окружены клубами и т.д. Как известно, больше всего мы ненавидим то, к чему тянемся, что мы так тщательно копируем, чему завидуем и чем хотим обладать. Одним словом, «объект желания». А зависть почти всегда маскируется снисходительным презрением.

Еще одна питерская проблема — отсутствие денег. В общегородском масштабе. Нет, конечно же, здесь

есть богатые и очень богатые люди. Но в большинстве своем люди здесь бедны. Ниже зарплаты, меньше возможностей, но самое главное — это отсутствие желания работать. Вкалывать, ишачить или как там еще это называется. И эту врожденную лень, медлительность, боязнь надорваться не компенсируешь никакими «у вас там, в Москве, все деньги, у вас там правительство, банки, у вас там наш Путин». Москвичи, имеющие часть бизнеса в Питере, полагаю, меня поддержат.

Посему в Питере модно жить в долг. Ты здесь должен две сотни другу, этот друг должен две сотни своему другу, а тот, в свою очередь, должен тебе. И эта круговая порука является базисом многих отношений. В какой-то момент все дружно всем прощают, чтобы через пару недель вос-

почему не исчез этот комплекс, мне совершенно непонятно — всем живущим здесь от этого только хуже. Это похоже на разорившееся дворянство, с прежними амбициями и полной невозможностью их достижения. И от этого люди ненавидят себя, а еще больше город, в котором живут. И город им отвечает тем же. Мстит за то, что его построили на костях, за нелюбовь и стремление сбежать отсюда.

Город, построенный другими людьми. Для того чтобы в нем жили другие люди. Люди, которые подерживали в должном состоянии всю эту красоту и великолепие. Все его дворцы и потрясающие особняки. Все его каналы и набережные. Сады и скверы. Которые совершали выезды, заполняли вечерами театры, оперы и рестораны. И с достоин-

ни-гид по ресторанам отеля, «этого рая для гурманов», есть в котором, впрочем, невозможно, я встаю и походкой загнанного на мельнице осла иду в ванную комнату. Перед тем как раздеться, набираю мобильный директора представительства, Володи (который настолько обурел на своем питерском «кормлении», что не удосужился встретить меня, просто послав сотрудника) и прошу его собрать через четыре-пять часов всех наших питерских дистрибьюторов для обсуждения нашего положения на рынке и совместной работы. Я вешаю трубку и про себя желаю ему провести остаток времени до моего приезда в адских мучениях.

Затем я открываю оба крана, и ванна медленно начинает наполняться водой цвета большинства фаянсовых садов Питера. То есть, попросту го-

Основная тема высокодуховных жителей Питера — это защищенность на собственной значимости и особенностях. Все разговоры с москвичами в конечном счете сводятся к двум темам: «Европейский Питер vs московская Рязань» и «Дай сотку до завтра»

становить этот долговой статус-кво.

Эта самая бедность аудитории, притом самой активной ее части, молодых людей от двадцати до тридцати лет, очень сильно жажает по бизнесу. Сoglаситесь, довольно сложно, например, содержать ресторан, если каждую пятницу у тебя двадцать два посетителя, из которых двое платят за четверых, а еще восемь человек пришли с теми, за кого платят, и прихватили с собой своих подруг.

Когда ты въезжаешь в здешний стиль жизни, то становится совершенно понятно, что жители Северной Пальмиры ничем не отличаются от жителей Москвы. Они такие же мещане, тусовщики, клерки и просто бездельники, как и в Москве. В городе просто меньше денег, а отсюда — больше проблем. И гирей, пудовой гирей нависает над городом комплекс бывлой столичности, который не выветрился за прошлые десятилетия. Он витает здесь в воздухе, бьет по мозгам жителей, подобно прибою о набережные Невы. И с каждым его ударом отчетливее становится ясно, что при всех попытках быть столицей Питер все более и более становится провинцией.

ством входили в парадные, в роскошные деревянные двери пятиметровой высоты, нынче замененные на эти уродливые железные, с ржавыми кнопками кодовых замков. И город светился, наполненный чувством собственного достоинства.

А потом эти люди вымерли, а город заселили свино-тараканами со всех возможных устьпиздойсков, которым это великолепие нахуй не нужно. Им нужно, чтобы низкие потолки, чтобы темно и мокро. И чтобы никто не видел, как они пожирают ночами останки чужого для них города, рыгают, пьют пиво и медленно превращают окружающее пространство в село Среднерусской возвышенности. Которое не режет глаз мрамором особняков и в котором они чувствуют себя столь аутентично. Безусловно, таким не нужны пятиметровые потолки с лепниной. Свиньи ведь не смотрят вверх, туда, где небо, — у них просто нет шеи...

И вот я снова в Питере. Я лежу на кровати в номере гостиницы «Невский Палас» и пытаюсь заставить себя встать, принять душ и переодеться. Перешелкав все каналы телевизора по четыре раза, просмотрев ми-

вора, ржавой. Память тут же великодушно подсказывает строчки из отельной брошюры — «Невский Палас» — отель высшей категории, место, которое, без сомнения, можно рекомендовать гостям Северной столицы». Я беру с полки над раковиной все тюбики с шампунем, гелем и жидким мылом и выливаю их содержимое в ванну. Возникающая пенная шапка постепенно покрывает собой ржавую воду. Я снимаю одежду и ложусь. На ум приходит параллель между пеной и торжествами по случаю трехсотлетия Питера.

Действительно, если разобраться, выходит одно и то же. Отремонтированные фасады домов на Невском закрывают собой обшарпанное убожество внутренних домов, рассыпающихся подъездов и квартир с лопающимися трубами. Точь-в-точь как эта пена. Реально, если можно отремонтировать пару домов и покрасить несколько дворцов, продав все это федеральному бюджету за 700 миллионов долларов, то что мешает навесить на ржавые коммуникации новую сантехнику и продавать потом «гостям Северной столицы» номер за 15 тысяч 35 рублей в сутки?

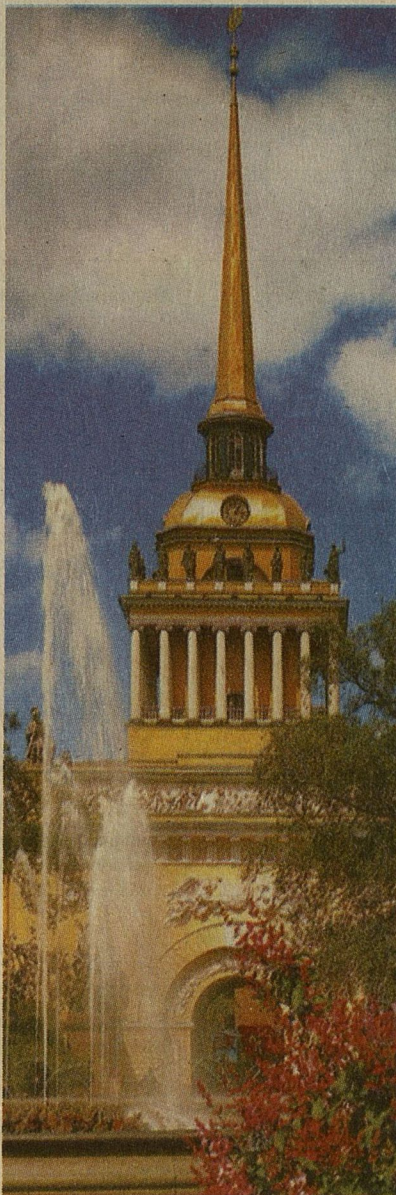
Тем не менее теплая вода способствует релаксации и очищению мозгов от последствий утреннего «ускорения». Я провожу в ванной около часа, тщательно бреюсь, затем выхожу в комнату, разбираю сумку и начинаю переодеваться в костюм. В целом настроение улучшается. Еще через полчаса я допиваю свой кофе в холле отеля, звоню любителю громкой танцевальной музыки Леше и выхожу из гостиницы.

Наш питерский офис находится в милом особнячке, построенном в середине девятнадцатого века. Несмотря на более чем скромный штат в восемь человек, он занимает пространство в сто квадратных метров, что объясняется соображениями экономии или чего-то подобного. От хитросплетений стоимости арендной платы я всегда был слишком далек.

Штат представительства в Питере состоит из директора Володи Гулякина, его секретарши, менеджера по маркетингу, водителя, трех сейлсов (Даши, Маши и, по-моему, Наташи) и девушки Полины, исполняющей неизвестные функции, но носящей гордое звание офис-менеджера (с первого взгляда на нее у меня закрадывается подозрение, что исполняет она в основном амурные функции). Прямыми продажами представительство не занимается, а только контролирует работу наших дистрибьюторов, маркетинговые бюджеты и промоушн-акции. Коллектив напоминает колхоз военного времени, в котором всю мужскую работу выполняют жены ушедших на фронт под управлением хитрого председателя, не взятого в армию по болезни. Офисное пространство хитрым образом поделено на кельи различного объема, в которых эти женщины и помещаются со всем своим обширным скарбом. Целый день они гоняют чай и кофеи, изредка отвлекаясь на звонки в Москву или клиентам. Помимо ассоциаций с колхозом, питерское представительство напоминает мне уездную больницу. Даже местные женщины ввиду своей рутинной и неспешной работы похожи на старушек нянечек, чей возраст неопределим. То ли тридцать два, то ли пятьдесят четыре.

Реально все выглядит как больница с несложными пациентами, в

которой пахнет чистотой, старостью, бинтами и воровством. Да, воровство также имеет свой запах. Ты начинаешь ощущать это, когда попадаешь в коллектив мелких жуликов. Вероятно, поры их тела выделяют особый гормон, пахнувший застенчивым стыдом, жульничеством и страхом. В свете последней идеи перехода в режим прямых продаж настроение у директора нашей питерской богадельни, надо понимать, не совсем хорошее. С одной стороны, увеличение штата и маркетингового бюджета, с другой стороны, неминуемая личная ответственность за планы продаж, которые уже нельзя будет списать на нерасторопность дистрибьюторов.

Я пересекаю порог офиса, обуреваемый жадной деятельностью. Странно, но здешняя атмосфера неторопливого безделья всегда вызывает во мне обратные желания. Вероятно, из чувства противоречия. Я здороваюсь с персоналом, пребывающим сегодня в полном составе и толпящимся в холле. Я жму руку каждой девушке, согласно американским корпоративным правилам, хотя мог бы и расцеловаться в щечки, как принято у слащавых французов или вечно похотливых итальяшек. Но, если честно, меня совсем не греет перспектива расцеловывания с этими жабами, посему я выбираю подчеркнuto деловой, англосаксонский стиль.

И все очень радостны, и каждая говорит мне что-то вроде «С приездом!», или «Как доехали?», или «Как вам Питер?», или прочую, приличествующую моменту, ахинею того же сорта. И у всех на лице написаны разные реплики/комментарии к сценке типа «Ничего, симпатичный мужик», или «Придурок столичный», или «Спросить его, что ли, заплатят ли декретные в случае чего?». И у всех вдоль лбов, словно начертанный красным маркером, пульсирует единственный объединяющий их вопрос: «ЗА ЧТО?»

Володя, источая гостеприимство, выходит ко мне навстречу и долго жмет руку. Здесь проявляется очень тонкий момент. Если бы он встретил меня со всеми вместе, в холле, он показал бы своим сотрудникам, что он также очень взволнован появлением московского визитера и спешит первым принести присягу на верность. Такое подобострастие могло бы поколебать его статус местного боярина в глазах челяди и означало бы его полный переход под мою юрисдикцию на время визита. С другой стороны, оставшись у себя в кабинете, он выказал бы полное неуважение ко мне, что не осталось бы безнаказанным. Встретив же меня на полпути, подобно хозяину дома, Вова остался целиком в рамках кодекса чести корпоративного самурая. У которого полный порядок в хозяйстве и полное понимание процедуры высказывания делового респекта.

— С приездом в город-герой Санкт-Петербург, — улыбается Вова. ■

372